

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА LANGUAGE IN SYSTEM

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-286-296

Научная статья

Историческая память слово- и формообразующих аффиксов дагестанских языков

Р.О. Асельдерова

*Дагестанский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, Республика Дагестан, 367003, Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57*
 rumomarovna@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы исторические закономерности, характер, природа изменения, развития и усовершенствования языка. Исследуется процесс восстановления исторической памяти как мощного инструмента познания. Рассматриваются вопросы этимологической семантики формантов падежной системы, генезиса эргативного строя, исторической памяти классных показателей аварского языка в корреляции с материалами других дагестанских языков. Описано развитие языковых единиц в сравнительно-сопоставительном аспекте. Отмечена важность понятия развития языка и реконструкции форм языковых единиц как в диахроническом, так и синхроническом плане.

Ключевые слова: историческая память, эволюция, семантическая реконструкция, этимон, примарная семантика

История статьи: поступила в редакцию: 04.02.2022; принята к печати: 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Асельдерова Р.О. Историческая память слово- и формообразующих аффиксов дагестанских языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 286—296. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-286-

---

© Асельдерова Р.О., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Historical Memory of Derivational and Form-building Affixes of Dagestanian Languages

R.O. Aselderova

Dagestan State Pedagogical University,
57, Magomed Yaragsky str., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation
 rumomarovna@mail.ru

Abstract. The article deals with the role of scientific etymology in restoring the origin of the word. The historical patterns, nature, and nature of the changes, development, and improvement of the language are analyzed. Attention is paid to the process of restoring historical memory as a powerful tool of knowledge. The article deals with the etymological semantics of the formants of the case system, the genesis of the ergative system, the historical memory of the class indicators of Avar language in correlation with the materials of other Dagestan languages. The paper examines the inner essence of language development in a comparative aspect. The importance of the concept of language development and the reconstruction of the forms of language units in both diachronic and synchronic terms is noted.

Key words: historical memory, evolution, semantic reconstruction, etymon, primary semantics

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Aselderova, R.O. 2022. “Historical Memory of Derivational and Form-building Affixes of Dagestanian Languages”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 286—296. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-286-296

Известные нам лингвистические традиции подходили к объектам своего исследования с точки зрения синхронии, «представление об историческом изменении языка не было свойственно ни одной из традиций. Язык понимался как нечто существующее изначально, обычно как дар высших существ» [1. С. 27]. Как отмечает Р.А. Будагов, «...тем не менее, грамматисты не могли не заметить, что язык (даже язык культуры) меняется. Всегда наблюдались большие или меньшие расхождения между языковым идеалом и реальной языковой практикой. Это однозначно расценивалось как порча языка. Человек не может изменить или усовершенствовать божий дар, но может полностью или частично его забыть или испортить. Именно в связи с этим едва ли не во всех традициях появлялись этимологии... Однако научная этимология не существовала вплоть до XIX века. Первоначально эта дисциплина вовсе не понималась в историческом смысле как восстановление происхождения слова. Задача ученого состояла в том, чтобы очистить язык от наслоений, созданных людьми, и вернуться к языку, сотворенному богами. Этимон — не древнейшее, а “истинное” слово, всегда существовавшее и существующее, но по каким-то причинам временно забытое людьми; цель этимолога — восстановить его» [1. С. 27].

Как уже говорилось, очень часто язык культуры представлял собой нормированный вариант более раннего состояния языка, более поздняя стадия развития которого употреблялась в быту. Однако латынь и средневековые романские языки, классический арабский и его диалекты, бунго и разговорный японский и т.д. понимались не как разные стадии развития языка, а как престижный и непрестижный его варианты. Задачей ученого было не допускать в «возвышенный» язык проникновения элементов вульгарного языка. Лишь немногие языковеды, в частности Ибн Джинни, признавали, что язык не создан сразу, и допускали возможность создания новых слов. Однако и Ибн Джинни допускал языковые изменения только в лексике, но не в грамматике.

Обсуждение

Идея историзма появилась только в Европе и лишь на более позднем этапе, чем даже идея о сравнении языков [1. С. 27]. Лишь начиная с XVIII в. сложился исторический подход к языку, который в XIX в. стал главным. Как справедливо подмечает С.М. Толстая, «излишне говорить о том, что язык является самым надежным хранителем, инструментом и резервуаром исторической и культурной памяти. И даже не столько язык вообще, сколько именно слово — самим фактом своего появления и долгого существования во времени, закрепившим в сознании носителей языка присутствие того или иного явления действительности и его значение для человека» [2. С. 21]. По мнению Р.А. Будагова, проблема взаимодействия между строем языка и уровнем мышления, рассмотренная исторически, сохраняет свою актуальность [3]. Он считает, что проблема языка и мышления, в диахроническом аспекте оказывается намного сложнее, чем в плане синхронии, где часто опираются на общий постулат единства языка и мышления. Чтобы перейти к вопросам, которые характеризуют внутреннюю сущность процесса развития языка, необходимо анализировать материал конкретных языков, групп родственных языков, языков разного строя, потому что «уровень развития мышления детерминируется, разумеется, не этнически, а исторически» [3], именно этим обуславливается и преемственность в его эволюции. Изменение и развитие языка надо определить как собственно лингвистический процесс и выявить его закономерности. Р.А. Будагов отмечал: «Очень легко декларативно утверждать, что языки изменяются и развиваются. Гораздо труднее обосновать характер этих изменений и природу этого развития... язык развивается не только в прошлом, но и в настоящем. Его движение ощущается в самой синхронии. Поэтому понятие развития так же важно для синхронии, как и для диахронии... историческое сплошь и рядом выступает как современное, а современное осмысливается на фоне истории» [3. С. 3, 17, 29]. Такой диалектический подход к анализу причин языкового развития дает возможность ученому сделать вывод о том, что «принцип историзма в лингвистике вовсе не означает, что любое явление, любой факт в любом языке сам по себе детерминирован исторически» [3. С. 36], а «новое может выражаться не только и даже не столько в количественном увеличении единиц, сколько прежде всего в различных качественных трансформациях уже наличных в языке единиц и категорий» [3. С. 27].

Этимологическая память слова — это мощный инструмент познания.

Заметим, что «благодаря усилиям этимологов, в наше время семантическая карта древнеславянской материальной и духовной культуры оказалась во многих сферах заполненной, хотя, конечно, остаются неизбежные лакуны, которые, можно надеяться, будут заполняться в дальнейшем. Этот “прорыв” этимологии и семантической реконструкции стал возможным благодаря преодолению изначальной атомарности в изучении слова» [2. С. 22]. Здесь следует добавить, что главный «недостаток современной этимологии, нередко присутствующий и в лучших работах по этимологии, состоит в понимании слова как самодостаточно-го, так сказать, “законченного” и потому независимого элемента, тогда как в формировании круга значений слова принимают участие и сочетающиеся с искомым словом другие слова. Вне контекста (от элементарного двучленного сочетания до целой фразы, а нередко и более обширного фрагмента текста) слово не может считаться (если только оно не элемент словаря) самодостаточным, и разгадка его этимологии может отчасти находиться и вне самого слова, в его “контекстном” пространстве» [4. С. 201].

Этимологическая память слова называется еще исторической памятью слова. Реконструкция исторической памяти слова есть восстановление своеобразия концептуализации объективной реальности носителями языка.

Историческая память требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики языковых единиц. О сопряженности актов первичной номинации с опредмечиванием человеком объективного мира, с этапами его общественного опыта и труда, с разделением и обобщением необходимого и главного в предмете познания писала А.А. Уфимцева [5. С. 8].

В истории слов отражаются факты развития конкретной языковой системы. Но не только это: в ней заключается информация о людях, о времени, о ценностях эпохи. «Для современного сознания слово — всего лишь знак, который имеет свое лексическое значение. Оно складывается из множества представлений о признаках предмета, существенных и случайных, полезных и малозначительных... Содержание понятия также состоит из обобщенных признаков предмета, но самых важных, существенных, необходимых для опознания вещи. Развитие и мужание мысли заключалось в том, что в постоянном поиске, отражая внешний мир, человеческое слово все строже и строже выражало представление о самом существенном признаке того или иного предмета, порождая тем самым понятие о нем. Понятие логично, связано со значением, слово же ближе к чувственным формам конкретного познания» [6. С. 9—10]. По мнению В.В. Колесова, «признак — это всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов — исходных представлений — в законченное понятие о предмете. Каждое древнее слово по исходному своему смыслу является мотивированным, и в своей реконструкции мы всегда можем сказать, что именно лежит в основе данного исходного представления» [6. С. 12]. В действительности «словесный знак способен обобщенно выражать идею, дифференцируя или отождествляя понятие, мысль...» [5. С. 25]. В этом отношении благодаря исследованиям ученых-этимологов восстановлены многие важные для реконструкции духовной культуры об-

ласти, к которым относятся сам человек, его быт, труд, социальные отношения и ценности.

Проблемы слово- и формообразования в диахроническом аспекте остаются малоизученными вопросами не только дагестанского сравнительно-исторического, но и кавказского языкознания в целом. На этот факт обращал внимание Г.А. Климов, который указывал на редко встречающиеся исследования этимологического плана [7. С. 17]. Первые сведения о слово- и формообразовании в дагестанских языках приводятся в работах П.К. Услара, который отмечал возможность выполнения классными показателями функции словообразовательных морфем [8. С. 83—84], что было отмечено и Л.И. Жирковым [9. С. 21].

В ранних работах исследователей по деривативной лексикологии и грамматике освещаются также модели образования отдельных частей речи, номенклатура словообразовательных моделей.

Заслуживает внимания включение в область слово- и формообразовательных исследований отраслевой лексики и др. Важность изучения отраслевой лексики обуславливается тем, что тонкие знатоки дагестанских языков (это в основном люди старшего поколения) уходят, унося с собой знания именно и прежде всего отраслевой лексики. Восполнение этих потерь становится задачей невыполнимой [10. С. 475].

Важно помнить, что лексика является очень чувствительной и весьма гибкой структурой языка. Все изменения в общественно-политической, экономической и культурной жизни общества, во-первых, обновляют лексическую систему языка, во-вторых, приводят к исчезновению устаревающих слов и словосочетаний, старых значений некоторых слов. Идет постоянный процесс изменения и обогащения языка. В этой связи своевременный сбор, систематизация, тщательный анализ лексики, особенно отраслевой, является задачей очень актуальной, так как именно данный класс лексики играет большую роль в создании традиционной картины мира, тем самым вносит значительный вклад в духовную картину народа.

Существенный вклад в дагестанское и кавказское языкознание внесли авторы коллективной монографии «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [11] и Словаря кавказских языков [12]. В первой работе проводится сравнительный анализ основной лексики дагестанских языков, устанавливаются закономерные звукосоответствия, определяется возможная этимологическая форма, присущая общедагестанскому хронологическому уровню или отдельным группам языков. Словарь кавказских языков посвящен определению материальной и семантической общности лексических единиц на уровне общекавказской идентичности или по группам кавказских языков. Неоценимый вклад в развитие кавказской лексикографии внесли Б. Комри, М. Халилов [13].

Глубокому научному анализу подвергалась и лексика многих дагестанских языков и их отдельных диалектов. Эта деятельность отразилась в работах по лексикологии даргинского, табасаранского, агульского, аварского языков.

Современное состояние и перспективы дагестанской и аварской филологии определены Программой развития фундаментальной науки ДНЦ РАН «Словесная культура Дагестана: логика формирования, опыт тысячелетия. Школа и про-

екты академика Г.Г. Гамзатова» [14]. Согласно этой программе дагестанская филология наряду с исследованиями по истории и теории национальной литературы и устного народного творчества избирает ведущим антропоцентрическое направление — этнокультурное взаимодействие в Евразии.

В соответствии с Программой к 2006 году опубликовано 25 монографий. Наиболее успешной в дагестанском языкознании представляется работа в лексикографии. Опубликовано множество словарей бесписьменных языков Дагестана, в частности, Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа под редакцией Б. Комри и М. Халилова [11]. Однако новаторской в дагестанской лексикографии представляется монография Р.И. Гайдарова «Введение в этимологию лезгинского языка». В работе предпринята попытка реконструкции исторической морфологии слова. Так, *акун* «видеть» рассматривается как композит из *акв* «свет» + *ун* «делание», композиционная семантика которых рождает новый смысл «видение». Исследуются также и фонетические трансформации, наряду с исконной лексикой анализируются и заимствования [15. С. 7].

Новым для дагестанского языкознания является обращение к антропоцентрическим изысканиям в сравнительно-сопоставительном аспекте. Эти работы диссертационного характера ведутся в основном на материале письменных дагестанских языков в корреляции с русским, романо-германскими, тюркскими и арабскими языками. Объектом исследования, как правило, является фразеология.

Тем не менее некоторые проблемы и аварского, и в целом дагестанского языкознания все еще не нашли окончательного решения, в частности, вопросы этимологической семантики формантов падежной системы, генезиса эргативного строя, исторической памяти классных показателей, которые релевантны и для глагола. В собственно глагольной морфологии дискутируется проблема примарной структуры корня, исторической семантики масдарообразующих формантов и показателей времени в синтетических моделях.

Ниже проводится критический анализ современного состояния аварского языка в корреляции с другими дагестанскими и арабскими языками.

Проблемы истории падежной системы дагестанских языков, в том числе и аварского, неоднократно становились объектом внимания исследователей. Однако вопросы этимологической семантики падежных окончаний все еще остаются неразработанными. В то же время понимание принципов формирования падежных окончаний актуально не только для системцентрической лингвистики, но и для антропоцентрического языкознания.

Г.Б. Муркелинский считает, что в лакском языке исторически местные падежи образовались от родительно-локативного падежа прибавлением к его основе послелогов места [16. С. 154—160]. Это вполне вероятно, но не освещает проблемы примарной семантики послелогов, которые, возможно, и присоединялись к основе родительно-активного падежа лакского языка. С другой стороны, послелого возникают в результате грамматикализации знаменательных слов [17]. Однако материалы табасаранского языка указывают на производность падежных окончаний от глагольных форм [18. С. 3, 10].

Следует заметить, что собственно природа *вставочных элементов* исследовалась лингвистами, но единого мнения о ее характере в науке еще не сложилось. Со-

гласно одной из наиболее распространенных точек зрения по данному вопросу вставочные элементы определяются как показатели лексико-грамматических классов.

При анализе вопроса о реконструкции этих элементов Е.А. Бокарев и Б.Б. Талибов высказывали мнение, что различные суффиксы косвенной основы считались историческими фонетическими видоизменениями одного из них. Так, Е.А. Бокарев возводит аффикс эргатива в крызском и будухском языках -р и удинский аффикс -н к *-ди (*ди > -*ри > -р; *-ди > *-ни > -н) [19. С. 46].

Б.Б. Талибов возводит показатели -цци, -ц1и, -ччи, -ч1и, -уни /-ини, -ра /-ре к форманту *-ди при определении природы полиформантности косвенной основы в лезгинском языке [20. С. 132—133].

Имели место попытки выявить генетические связи аффиксов косвенной основы с показателями классов. Например, Л.И. Жирков писал о том, что «несомненна связь между вставками в падежных формах единственного и множественного числа; больше того — несомненна связь этих вставок со сложными окончаниями множественного числа; наконец — несомненна связь их с классными показателями — и все-таки эти вставки нельзя с уверенностью признать ни частью падежных окончаний, ни отдельными инфиксами в составе падежной формы...» [9. С. 29—30].

М.Е. Алексеев высказал сомнения по поводу состоятельности гипотезы о генетической связи вставочных элементов с классными показателями. Он пишет: «...хотя точно сферу употребления каждого из вышеперечисленных показателей установить не удастся, они являлись в пралезгинском языке своего рода классификаторами. Тем не менее, увязывать эти показатели с категорией класса непосредственно было бы ошибкой» [21. С. 228]. Он не поддерживал предположение о вставках как фонетических видоизменениях одной из них: «возможность объяснения разнообразия суффиксов косвенной основы теми или иными фонетическими процессами в значительной степени сомнительна» [21. С. 224].

Г.Т. Бурчуладзе, изучив материал лакского языка, высказал возможность утраты этого компонента основой абсолютива в результате эволюции языка [22. С. 12—14].

Анализ фактического материала мухадского диалекта, проведенный М.А. Ибрагимовой, позволил выявить, что при оформлении косвенной основы имен существительных единственного числа во всех диалектах рутульского языка вставочные элементы ограничиваются выбором из представленных в рутульском языке четырех консонантных компонентов: -р-, -й-, -д-, -л-, которые могут варьироваться и взаимозаменяться:

мухадский диалект мюхрекский диалект:

Ном. — нагъв «слеза» нагъ «слеза»,

Эрг. — нагъв-ал-ыра нагъ-ур-ур,

Ген. — нагъв-ал-ды нагъ-ур-ды,

Дат. — нагъхв-ал-ыс нагъ-ур-ус и т.д.;

мухадский диалект шиназский диалект:

Ном. — нисе «сыр» нисе «сыр»,

Эрг. — ниси-д-ире ниси-й-ре,
 Ген. — ниси-д-д ниси-й-ды,
 Дат. — ниси-д-ис ниси-й-с и т.д. [23].

Научный интерес вызывает то обстоятельство, что во всех диалектах рутульского языка (один из языков лезгинской группы нахско-дагестанских языков) склонение имен существительных во множественном числе дифференцировано по признаку одушевленности/неодушевленности. Последующий разбор фактического ареального материала дал следующий результат: склонение субстантивов единственного и множественного числа дифференцируется по признаку разумности/неразумности [23].

При склонении субстантивов единственного числа I, II классов в ареальных единицах рутульского языка употребляются следующие фонетические варианты вставочного элемента:

-ний- — в мухадском диалекте,
 -ну- / ни- — в ихрекском диалекте,
 -на- — в шиназском и борчинско-хновском диалектах,
 -ну- — в мюхрекском диалекте.

Косвенную основу субстантивов единственного числа III и IV классов во всех диалектах, кроме ихрекского, выражает вставочный элемент -д, в мюхрекском диалекте одновременно также употребляется формант -й-.

В ихрекском диалекте для оформления падежных форм субстантивов III и IV классов используется вставочный элемент -ни-. Противопоставление вставочных элементов, образующих косвенную основу субстантивов I и II классов, сближает ихрекский диалект с диалектами цахурского языка, в цахском диалекте представлены вставки -къв- (для I класса) и -къ- (для II класса), в гельмецком — -гъв- (для I кл.) и -гъ- (для II класса). Здесь можно отметить отличие: актуальность ихрекского элемента -ни- и для субстантивов III и IV классов, а в диалектах цахурского языка для субстантивов, принадлежащих к этим классам, имеется специальный вставочный элемент -чи- [23].

Заключение

Анализ вставочных элементов, присоединяемых к основам субстантивов мн. ч. I, II кл., относящихся к категории разумных, и субстантивов мн. ч. III, IV кл., относящихся к категории неразумных, в диалектах рутульского языка позволил выявить единообразие: во всех случаях к основам субстантивов множественного числа I и II классов присоединяется формант -ш-, а основам субстантивов множественного числа III и IV классов — формант -м-.

Таким образом, инвентарь вставочных элементов, маркирующих формы множественного числа существительных и субстантивов в диалектах рутульского языка, является единым (-ш- и -м-), а принципы, которые взяты за основу их применения, различаются: склонение имен существительных во множественном числе дифференцировано по признаку одушевленности-неодушевленности, а склонение субстантивов единственного и множественного числа — по признаку разумности/неразумности. Исследователь пришел к заключению, что имеет ме-

сто единый принцип оформления косвенной основы, охватывающий все имена существительные, субстантивы, масдар и позволяющий минимизировать количество типов склонения, сохраняя при этом оппозиции форм косвенных падежей.

Список литературы

1. *Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15—28.
2. *Толстая С.М.* Этимологическая память слова / *Etnolingwistyka* 31. Problemy J zyka i Kultury. Vol. 31. Lublin, 2019. С. 21—26.
3. *Будагов Р.А.* О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXI. Вып. 5. М., 1972. Режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/budagov-72.htm.
4. *Топоров В.Н.* Речь и река/речка (из области мнимых этимологических парадоксов) // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 198—223.
5. *Уфимцева А.А.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 7—98.
6. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: 2000.
7. *Климов Г.А.* К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 16—23.
8. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.
9. *Жирков Л.И.* Лакский язык. Фонетика и морфология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 160 с.
10. *Гамзатов Г.Г.* Опыт словарной работы по дагестанским языкам // *Caucasologie et Mythologie comparee*. Paris, 1992. P. 465—475.
11. *Муркелинский Г.Б.* (ред.). Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971.
12. *Климов Г.А., Халилов М.Ш.* Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики / отв. ред. Тестелец Я.Г. М.: Восточная литература, 2003.
13. *Комри Бёрнард., Халилов М.* Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной лексики. Лейпциг; Махачкала, 2010.
14. *Словесная культура Дагестана: логика формирования, опыт тысячелетия. Школа и проекты академика Г.Г. Гамзатова.* Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006.
15. *Гайдаров Р.И.* Лезги ч'алан этимологиядиз гъахъун. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005.
16. *Муркелинский Г.Б.* О развитии падежной системы в лакском языке // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1987. С. 153—160.
17. *Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В.Н.* М.: Советская энциклопедия, 1990.
18. *Абдуллаев И.Ш.* Действо как бытие ситуации. К проблеме этимологической семантики компонентов содержательной структуры дагестанского глагола. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003.
19. *Бокарев Е.А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 43—50.
20. *Талибов Б.Б.* О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке // Уч. записки Института истории, языка и литературы. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1962. Т. II. С. 116—134.
21. *Алексеев М.Е.* К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1987. С. 223—229.
22. *Бурчуладзе Г.Т.* Основные вопросы падежного состава и процессов склонения в лакском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 132 с.

23. *Ибрагимова М.О.* Сравнительный анализ показателей косвенной основы склоняемых имен в рутульском языке (на материале диалектов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 1-1(55). С. 118—121.

References

1. Alpatov, V.M. 1993. "On anthropocentric and systemocentric approaches to language". *VYA* 3: 15—28. Print. (In Russ.)
2. Tolstaya, S.M. 2019. "Etymological memory of the word". *Etnolingwistyka* 31. *Problemy J zyka i Kultury* 31: 21—26. Print. (In Russ.)
3. Budagov, R.A. 1972. "On the subject of linguistics". In *Izvestiya AN SSSR. Department of Literature and Language*. Vol. XXXI. Issue 5. Web. Access mode: www.philology.ru/linguistics1/budagov-72.htm
4. Toporov, V.N. 2006. "Rech i reka/rechka (from the field of imaginary etymological paradoxes)". In *Research on etymology and semantics*. M.: Languages of Slavic Cultures publ. Pp. 198—223. Print. (In Russ.)
5. Ufimtseva, A.A. 1977. Linguistic essence and aspects of the nomination. In *Language category. General questions*. Moscow: Nauka publ. Pp. 7—98. Print. (In Russ.)
6. Kolesov, V.V. 2000. *Ancient Rus: Heritage in the Word. The world of man*. St. Petersburg. Pp. 9—10. Print. (In Russ.)
7. Klimov, G.A. 1985. "On semantic reconstruction (based on the materials of Caucasian etymology)". In *Theory and practice of etymological research*. Moscow: Nauka publ. Pp. 16—23. Print. (In Russ.)
8. Uslar, P.K. 1889. *Ethnography of the Caucasus. Linguistics*. Vol. III. Avar language. Tiflis. Print.
9. Zhirkov, L.I. 1955. *Lak language. Phonetics and Morphology*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Print. (In Russ.)
10. Gamzatov, G.G. 1992. Experience of dictionary work on Dagestani languages. In *Caucasologie et Mythologie comparee*. Paris. P. 465—475. Print.
11. Murkelinskij, G.B. (Ed). 1971. *Sravnitel'no-istoricheskaya leksika dagestanskih yazykov*. Moscow: Nauka publ., 1971. Print. (In Russ.)
12. Klimov, G.A., Halilov M.SH. 2003. *Slovar' kavkazskih yazykov: sopostavlenie osnovnoj leksiki*. Edited by Testelec Ya.G. Moscow: Vostochnaya literature publ., 2003. Print. (In Russ.)
13. Komri, B., Khalilov, M. 2010. *Dictionary of languages and dialects of the peoples of the North Caucasus. Comparison of the main vocabulary*. Leipzig; Makhachkala. Print.
14. *Slovesnaya kul'tura Dagestana: logika formirovaniya, opyt tysyacheletiya. SHkola i proekty akademika G.G. Gamzatova*. 2006. Makhachkala: Izd-vo DNC RAN publ. Print. (In Russ.)
15. Gaidarov, R.I. 2005. *Lezgi Chialan etymologiyadiz gyakhyun*. Makhachkala: CPI DSU publ. Print.
16. Murkelinsky, G.B. 1987. On the development of the case system in the Lak language. In *Case composition and declension system in the Caucasian languages*. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences publ. Pp. 153—160. Print.
17. *Linguistic Encyclopedia*. Ed. Yartsevov V.N. Moscow: Sovetskaya enciklopediya publ. Print. (In Russ.)
18. Abdullaev, I.Sh. 2003. Action as the being of the situation. On the problem of etymological semantics of the components of the content structure of the Dagestan verb. Makhachkala: CPI DSU publ.
19. Bokarev, E.A. 1960. "On the reconstruction of the case system of the Pralezginsky language". *Voprosy grammatiki*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
20. Talibov, B.B. 1962. On some phonetic processes in the Lezgian language. In *Uch. zapiski Institute of History, Language and Literature*. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences publ. Vol. II. Pp. 116—134.

21. Alekseev, M.E. 1987. On the reconstruction of the Pralezginsky indicators of the indirect basis for the consonant. Case composition and declension system in the Caucasian languages. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences publ. Pp. 223—229.
22. Burchuladze, G.T. 1986. Basic questions of case composition and declension processes in the Lak language. Tbilisi: Metsniereba publ. Print.
23. Ibragimova, M.O. 2016. “Comparative analysis of indicators of the indirect basis of declinable names in the Rutul language (on the material of dialects)”. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice* 1-1 (55): 118—121. Print.

Сведения об авторе:

Асельдерова Руманият Омаровна — кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета. E-mail: rumomarovna@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4261-6703

Bio Notes:

Rumaniyat Omarovna Aselderova, candidate of philological science, associate professor. Dagestan State Pedagogical University. E-mail: rumomarovna@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4261-6703